

Ком. прав-
1930.

027 марта

ТЕАТР

„Авангард“

Театр им. Вахтангова

В степи, в пырской украинской степи, организовался колхоз. Колхоз маленький: 50 дворов, 100 гектаров целины, два стареньких трактора. Колхозом руководит Чорба, старый боец, один из тех, кто перекус на своих плечах жестокие дни боев, побед и поражений.

Колхоз одиночок. Вокруг — гуца мелких хозяйств и река, могучая река, несущая в своих водах тысячи лошадиных сил. Волна индустриализации докатывается сюда: гремят экскаваторы, взрываются скалы, растет плотина, крепнет электрический гигант, который зовет к жизни дремлющие силы края, который покосит повсюду волны электрического света, заменит темные набушки даждовских одиночных хозяйств светлыми корпусами хлебных фабрик. И словно глухой отголосок этой умирающей старой деревни, летит в ответ на вдохновенную речь оратора на сцене истинный вошь безрешного деления:

— Братцы, что же это? И Нижнюю Иваловку заливают, братцы!

И действительно заливают. На реке идет «бой»: вооруженный могучей техникой пролетариат подчиняет себе природу, заставляет ее служить будущему.

Но старое цепляется не только за темные деревушки одиночников. Оно крепко сидит в том же Чорбе, который боится роста колхоза, который замыкается на своих 100 гектарах, отмахивается от крестьянской волны, идущей в колхоз, который, как и его смехотворный бухгалтер Папыбратцев, «не умеет считать дальше ста».

Зато пролетарий Майоров мыслит тысячами. Он поднимает крестьянскую волну, преодолевает сопротивление рутинеров, увлекает за собой фракцию. Чорба швыряет ключи: он больше — не «хозяин». Майоров не боится дела: он берет в свои руки руководство. 500 колхозников, 1.000 гектаров целины и... те же 2 трактора. Так жить нельзя. Майоров бросается в Колхозцентр: «Заявки удовлетворить не можем». Мальчик-кулак купил с бандажом Григорием мутит крестьян.

— Где трактора, Майоров? Людей по миру пустить хочешь? Майоров пускается на последнее средство: обращается за помощью на строительство. Рабочие берут шефство над колхозом, включают заявку на тракторы в договор о соревновании с тракторным заводом. Тракторы идут. Тракторы припили уже: бюрократизм, кулацкая агитация, черный степной туман и бедорожье не могут остановить их. Они идут, потрясая гулом дремлющую степь. Скоро встанут на полх желтые волны хлеба. Колхозники считают уже не на тысячи, а на миллионы.

Только нет ни Майорова, ни Чорбы: Чорба пал жертвой своего «безумия», Майорова оранжили кулаки. Но место одного Майорова заменили сотней, тысячи

Майоровых. П когда прихавшие из Москвы рабочие спрашивают, где Майоров, колхозники в один голос повторяют:

— Я за него!
— Я за него!
— Мы за него!

Таков несложный сюжет этой легкой, бодрой, жизнепестрой пьесы. Но совсем, впрочем, таков: сюда примешались еще две любимых истории, истории ненужные, лустенькие, неразработанные: это дань «психологизму», пшблеме которого еще довлеют в на театром Вахтангова. Мимо этих востроспей — к подлинной «коллективной драме», — вот путь, по которому еще неуверенно пытается идти театр Вахтангова от «Разлома» к «Авангарду».

И именно потому, что «Авангард» далеко не плох, именно потому, что он дает зрителю бодрую, жизнепеструю вырядку, нужно отметить его слабые места. Одно из этих слабых мест мы уже отметили: ненужные, засоряющие пьесу любовные истории. К сожалению, этот налет «психологизма» все время путается в потах пьесы: трагедия колхоза, это — трагедия Майорова, массы в ней не участвуют или участвуют только как некая стихийная сила, повинующаяся то Чорбе, то Майорову. Потому-то так слабо звучит в конце «я за него»: оно никак не подготовлено всем развитием индивидуальных конфликтов пьесы.

За вычетом «героев» (Чорба, Майоров, Лаврик, мальчик), исполнители нещадно фальшивят; язык пьесы, увы, явно интеллигентский. К этой внутренней фальши присоединяется еще такая досадная «условность», как «униформа» колхозников: синий костюм и соломенные шляпы. Эта «красивость» режет глаза и портит общий смысл пьесы.

Внешнее оформление пьесы на высоте ее материала. Художник Н. Акимов сделал все для того, чтобы дать зрителю светлый, красочный пейзаж. Неудивительно, что ряд картин (тракторы в степи, река, колхозники в поле) встречается аналогичными и остается в памяти.

ДМ. ЛЕБЕДЕВ.